

Гордость русской драматургии

В одном из писем к Александру Николаевичу Островскому И. А. Гончаров писал: «Литературе вы принесли в дар ценную библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один построили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после вас мы можем с гордостью сказать: «У нас есть свой национальный театр». Он по справедливости должен называться: театр Островского».

По богатству драматургического наследия и той роли, какую сыграл Островский в истории русского театра, — он не имеет себе равных. Советский театр, самый передовой в мире, сделал доступным для широких масс произведения этого гиганта русской драматургии. Ни один из драматургов не имеет в наши дни такого успеха, как Островский. В Советском Союзе нет театра, который бы не ставил пьес Островского: ставят их театры столичных центров и отдаленных уголков периферии. Ставят их в Мурманске и на Игарке, в Петропавловске на Камчатке и Охе на Сахалине. Репертуар колхозных театров, кружков художественной самодеятельности, рабочих клубов и домов культуры строится по преимуществу на пьесах Островского. За двадцать лет (с 1853 по 1873 годы) пьесы Островского в Петербурге и Москве выдержали 766 представлений, а в советское время пьеса «Таланты и поклонники» одним из московских театров в течение пяти сезонов была показана семьсот раз.

С большой любовью был принят Островский театрами Советской Латвии, как и всеми театрами Прибалтики.

В смотре спектаклей русской классики из семи поставленных пьес четыре принадлежат Островскому: «Волки и овцы» (Театр драмы ЛССР), «Без вины виноватые» (Русский драматический театр), «За чем пойдешь, то и найдешь» (Театр юного зрителя) и «Лес» (Лиепайский музыкально-драматический театр).

В чем же притягательная сила произведений Островского? Каковы живительные соки его творчества, питающие наши театры в течение почти ста лет?

Неувядаемая сила Островского — в идейной глубине созданных им образов, в жизненной правдивости персонажей его произведений, в его народности.

Идейное значение творчества Островского состоит в том, что оно направлено против эксплуататорских классов. В своем творчестве Островский охватил почти все слои русского дореформенного и пореформенного общества, дал своего рода «энциклопедию» русской жизни — дворян, купцов, всех рангов чиновников, городских мещан. Он изображал дворянскую усадьбу («Волки и овцы», «Лес»), правящие дворянские круги столицы («На всякого мудреца довольно простоты»), он показывал неизлечимую болезнь дворянского разложения («Бешеные деньги»).

В картинах из жизни разоряющихся дворянских слоев Островский шел рука об руку с великим русским сатириком М. Е. Салтыковым-Щедриным. Недаром последний так охотно печатал пьесы Островского в «Отечественных записках», открывая ими ежегодно каждую январскую книжку журнала.

Островский смело обличал продажность царских чиновников («Доходное

место», «Горячее сердце»). Купечество, быт и психологию которого драматург знал как никто из писателей, занимает основное место в произведениях Островского. «Темное царство» купеческого мира драматург изобразил с огромной силой и правдивостью. Картины купеческого быта, набросанные кистью сурового реалиста, даны в пьесах: «Свои люди — сочтемся», «Бедность не порок», «Гроза», «Тяжелые дни», «Не все коту масленица». По выражению Н. А. Добролюбова эти пьесы рисуют «мир темного гробового безмолвия, лишь изредка оживляемый глухим бесильным ропотом, робко замирающим при самом зарождении...»

Галерея буржуазных типов в пьесах Островского велика и разнообразна — от мелкого жуликоватого лавочника до крупного воротилы Фрола Федулыча («Последняя жертва»).

Народность Островского в том, что в его произведениях отражены надежды широких трудовых масс на избавление от тяжести частного капитала, на избавление от эксплуатации человека человеком, надежды на свободный труд. Сила изобразительности и художественного воплощения у Островского так велика, что все типы его пьес приобретают общечеловеческие черты, сохраняя при этом свои национальные и индивидуальные признаки. Народность Островского обнаруживается не только в разнообразии его тематики, но и в простоте, красочности и образности языка, а главное — в гуманном отношении к людям, в его протесте против язов капиталистического строя. Островский ведет борьбу за тех, кто страдает от капиталиста-притеснителя, независимо от того, в какой одежде выступает этот притеснитель — в кафтане ли замоскворецкого купца или в костюме лохотного европейца. Острое ощущение стихийного, ищущего выхода

да недовольства существующим положением вещей объединяет многих героев Островского. Чувство собственного достоинства и независимости, тяга к светлой жизни, в которой люди не будут грызть друг друга, в которой не будет грабежа и корысти, — свойственно многим героям Островского, — Жадову («Доходное место»), Кулигину («Гроза»), Аристарху («Горячее сердце»), Геннадию Несчастливцеву («Лес») и Незнамову («Без вины виноватые»).

Островский показывает, что трагическое положение женщины явилось следствием капиталистических отношений. Устами Ларисы в «Бесприданнице» Островский заявляет, что в капиталистическом обществе женщина — только «вещь», а вещь должна принадлежать тому, кто может ее купить. В обществе, основанном на частной собственности, и любовь и совесть — дело покупное.

Суров и нелегко был жизненный путь драматурга. За сорок лет своей творческой деятельности он написал более полусотни пьес (не считая большого количества переводных) и всегда находился в атмосфере злобных интриг и гонений. Бездушные царские чиновники — заправила казенных театров и органов цензуры — воспитаны были на переводных водевилях и мелодрамах и никак не могли примириться с правдивым показом неприглядной действительности. Островский вступил на литературное поприще в эпоху господства в русских театрах романтических трагедий Н. В. Кукольника, М. Н. Загоскина и Николая Полевого, а также водевилей Петра Каратыгина и Д. А. Ленского. За четыре десятка лет драматургической деятельности Островского произошли коренные изменения в русском театре, изменились приемы театральных постановок, стиль актерской игры.

Островский был редким знатоком театра. Он много лет боролся за создание подлинно народного театра, свободного от классовых и сословных перегородок. — Мы хотим писать для народа, — заявлял Островский, возмущаясь тем, что администрация казенных театров поощряет «буржуазное безвкусице» на сцене. «Честный, художественный, здоровый народный репертуар» создается драматургом «для всего народа»: история оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома. Такие произведения со временем делаются понятными и ценными для других народов, и, наконец, для всего света».

Островский не дожил до наших дней, но он — наш современник, живет в сознании нашего общества, питает живительными соками наше театральное искусство. Крупнейший драматург умер за тридцать лет до Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в жизни человечества, но его никогда не оставляла надежда на то, что «настоящее, здоровое искусство» станет вечным достоянием русского театра, — за это ручается, как он писал, «свежесть чувства и серьезный склад ума, которым наделен русский человек».

Советская драматургия продолжает и развивает традиции Островского. Его мечты о народном театре, о свободной жизни осуществлены полностью: у нас нет больше самодуров-эксплуататоров, у нас есть настоящая полнокровная литература, есть полнокровное искусство, за которое боролись великие сыны русского народа, такие как Александр Николаевич Островский. Н. Николаев-Бергин.